

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН НА САЙТЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ГРИГОРЬЕВ И ИГАМБЕРДИЕВА против РОССИИ»

(Жалоба № 10970/12)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

12 февраля 2019 года

Вступило в силу 12 февраля 2019

Данное постановление является окончательным, но может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Григорьев и Игамбердиева против России»,
Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая
Комитетом, в состав которого вошли:
Хелен Келлер, *Председатель,*
Пере Пастор Виланова,
Мария Элосеги, *судьи,*
и Фатош Араджи, *Заместитель Секретаря секции,*
проведя заседание за закрытыми дверями 22 января 2019 года,
вынес следующее постановление, утвержденное в вышеуказанный
день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано по жалобе (№ 10970/12) против Российской Федерации, поступившей в Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») от двух граждан Российской Федерации, Якова Александровича Григорьева и Камолы Дильмуратовны Игамбердиевой (далее — «заявители»), 18 января 2012 года.

2. Интересы заявителей в суде представляла К. Мехтиева, адвокат, практикующий в г. Париже. Интересы Властей Российской Федерации (далее — «Власти») представлял М. Гальперин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. 30 июня 2017 года Власти были уведомлены об этой жалобе на основании пункта 1 статьи 5, статей 10 и 11, а остальная часть жалобы была признана неприемлемой в соответствии с пунктом 3 правила 54 Регламента Суда.

4. Власти не возражали против рассмотрения жалоб Комитетом.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Первый заявитель (Я.А. Григорьев), 1984 года рождения, проживает в г. Светлогорске. Второй заявитель (К.Д. Игамбердиева), 1989 года рождения, проживает в Калининграде.

6. В неустановленную дату второй заявитель уведомила власти г. Калининграда о своем намерении провести массовое публичное мероприятие 12 декабря 2010 года на площади Победы. Власти ответили, что на этот день запланирована подготовка к празднованию

Нового года; альтернативного места проведения они не предложили. Второй заявитель не оспорила ответ органа власти в национальных судах. Оба заявителя решили вместо этого [мероприятия] провести около монумента Родине-Матери одиночное пикетирование, не требующей предварительного уведомления.

7. По информации заявителей, 12 декабря 2010 года первый заявитель провел одиночное пикетирование, держа плакат с надписью «Свободу Ходорковскому и Лебеву! Мы просим законного приговора!» После того как он завершил демонстрацию и встал на расстоянии около двадцати метров, второй заявитель провела свою собственную демонстрацию. На ней была футболка с надписью: «Свободу Ходорковскому и Лебеву!» Она завершила свою демонстрацию через пять минут. Затем первый заявитель вернулся на место проведения со своим плакатом и оставался там примерно две минуты, пока полицейские не отвели его в полицейскую машину. Его отвезли в отделение полиции, где держали его свыше трех часов.

8. По информации Властей, в 16:00 12 декабря 2010 года заявители участвовали в массовом публичном мероприятии, проводимом в форме пикетирования с использованием средств наглядной агитации, а именно плаката и футболки. В 16:00 первый заявитель был доставлен в отделение полиции Ленинского района. Между 17:15 и 18:30 дежурный офицер составил протокол об административном правонарушении в отношении первого заявителя. Он был обвинен в участии в массовом публичном мероприятии, проведенном без разрешения, — правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 20.2 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее по тексту — «КоАП РФ»). 14 декабря 2012 года второй заявитель была вызвана в отделение полиции Ленинского района, где ей были предъявлены обвинения в совершении аналогичного правонарушения, хотя оно было классифицировано по части 2 статьи 20.2 КоАП РФ.

9. Дела в отношении заявителей были переданы на рассмотрение мировому судье судебного участка № 2 Ленинского района Калининграда. Суд распорядился, чтобы полиция предоставила видеозапись, демонстрирующую события 12 декабря 2010 года. В двух решениях от 3 марта 2011 года мировой судья пришел к выводу, что заявители провели два пикета и не нарушили закон о публичных мероприятиях (далее — «ЗПМ»), включая требование о предварительном уведомлении, применимое лишь в отношении массовых мероприятий. Суд опирался, *inter alia*, на представленные полицией видеозаписи. Административные дела в отношении заявителей были прекращены в связи с отсутствием состава правонарушений по части 1 и 2 статьи 20.2 КоАП РФ.

10. Полиция подала апелляцию. 16 мая 2011 года Ленинский районный суд Калининграда оставил данные решения без изменений. Суд апелляционной инстанции также посчитал неподтвержденным факт участия заявителей в групповом «пикете».

11. Заявители добивались компенсации в размере 100 000 рублей (руб.)¹ каждому за незаконное лишение свободы и нарушение их права на свободу выражения мнения посредством одиночного пикетирования. Центральный районный суд Калининграда своим решением от 15 июля 2011 года установил, что доставление первого заявителя в отделение полиции было незаконным и присудил ему 10 000 рублей (в то время эквивалентно 250 евро) в качестве компенсации морального вреда. 25 июля 2011 года тот же суд также удовлетворил исковые требования второго заявителя, установив, что препятствование ей в проведении одиночного пикетирования и последующее судебное преследование были незаконными. Суд также присудил второму заявителю 10 000 рублей в качестве компенсации морального вреда.

12. Первый заявитель обжаловал решение от 15 июля 2011 года, жалуясь, *inter alia*, на сумму компенсации и неустановление судом первой инстанции конкретных фактов в отношении нарушения свободы выражения мнения в связи с вмешательством полиции в проведение им одиночного пикетирования. 7 сентября 2011 года Калининградский областной суд оставил решение в силе. Ссылаясь на часть 2 статьи 27.1 КоАП РФ и часть 2 статьи 1070 Гражданского кодекса, он постановил, что из прекращения дела, возбужденного на основании КоАП РФ, следует, что административное доставление и задержание первого заявителя были незаконными в соответствии с российским законодательством, а также необоснованными. Суд апелляционной инстанции также посчитал, что вмешательство в свободу выражения мнения было признано заявлением о том, что доставление первого заявителя в отделение полиции являлось незаконным.

13. Второй заявитель также подала апелляцию. 21 сентября 2011 года Калининградский областной суд оставил в силе решение от 25 июля 2011 года.

II. ПРИМЕНИМОЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

14. Краткое изложение положений внутригосударственного права и практики в отношении норм, регулирующих проведение публичных мероприятий, ответственности за нарушения, допущенные в ходе

1. Примерно 2500 евро в период оспариваемых событий.

таких мероприятий, а также административного доставления и задержания см. в постановлении Европейского Суда от 7 февраля 2017 года по делу «*Лашманкин и другие против России*» (*Lashmankin and Others v. Russia*), жалобы №№ 57818/09 и 14 других жалоб, пункты 216-312, а также постановлении Европейского Суда от 26 апреля 2016 года по делу «*Новикова и другие против России*» (*Novikova and Others v. Russia*), жалобы №№ 25501/07 и 4 другие жалобы, пункты 47-85).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 5, СТАТЕЙ 10 И 11 КОНВЕНЦИИ

15. Первый заявитель, ссылаясь на пункт 1 статьи 5, статьи 10 и 11 Конвенции, жаловался на свое доставление в отделение полиции и содержание там, а второй заявитель жаловалась на судебное преследование за административное правонарушение. Обладая правом на дачу характеристики фактам дела в их взаимоотношении с правом (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 20 марта 2018 года по делу «*Радомиля и другие против Хорватии*» (*Radomilja and Others v. Croatia*), жалобы №№ 37685/10 и 22768/12, пункт 126), Суд считает, что указанная жалоба должна рассматриваться в соответствии со статьей 10 Конвенции, а также пунктом 1 статьи 5 в отношении первого заявителя. Применимые положения статьей 5 и 10 гласят:

Статья 5

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом: ...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения ...»

Статья 10

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями,

ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка в целях предотвращения беспорядков или преступлений...».

16. Власти утверждали, что внутригосударственные органы власти признали незаконность действий, касающихся предотвращения проведения одиночного пикетирования заявителями и их судебное преследование в рамках административного производства, а также доставку первого заявителя в отделение полиции, где он провел некоторое время. Заявителям была присуждена разумно обоснованная компенсация, и таким образом их права были полностью восстановлены на национальном уровне.

17. Заявители утверждали, они проводили одиночное пикетирование, в отношении которого нет требования о предварительном уведомлении. Полиция не объяснила, каким именно образом действия заявителей составили нарушение российского законодательства об общественном порядке. Они также не обосновали доставку первого заявителя в отделение полиции и его удержание там в течение трех часов. Заявители также утверждали, что они являлись жертвами нарушения их прав, гарантированных Конвенцией.

А. Приемлемость жалобы

18. Суд прежде всего отмечает, что жалоба первого заявителя на основании пункта 1 статьи 5 Конвенции была подана 18 января 2012 года, в то время как его лишение свободы прекратилось 12 декабря 2010 года. Тем не менее, после прекращения соответствующего административного производства заявитель начал гражданское судопроизводство в отношении компенсации, которое окончилось 7 сентября 2011 года и имело частичный успех (см. пункт 11 выше). Суд полагает, что эти судопроизводства следует принимать во внимание для целей правила о шестимесячном сроке согласно пункту 1 статьи 35 Конвенции. Следовательно, первый заявитель выполнил это правило. Это не оспаривалось, и Суд признает, что те же факторы действительно для жалобы по статье 10 Конвенции.

19. Суд также повторно отмечает, что решение или мера, благоприятная для заявителя, в принципе не является достаточной, чтобы лишить его статус «жертвы», пока внутригосударственные органы власти не признают, явно или по существу, нарушение Конвенции, а затем не исправят его (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «*Озтюрк против Турции*» (*Öztürk v. Turkey*), жалоба № 22479/93, пункт 73, ECHR 1999-VI). Предоставленное возмещение должно быть надлежащим и достаточным, и в отсутствие такого возмещения сторона может и

далее заявлять о том, что она является жертвой такого нарушения (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Скордино против Италии» (№ 1) (*Scordino v. Italy (no. 1)*), жалоба № 36813/97, пункт 181, ECHR 2006-V).

20. Европейский Суд принимает во внимание тот факт, что, до подачи жалобы в Суд оба заявителя потребовали и получили компенсацию на национальном уровне. Он считает, что вопрос о статусе жертвы тесно связан с сутью самой жалобы и поэтому жалобы первого заявителя следует объединить с фактическими обстоятельствами дела.

21. Что касается второго заявителя, обе стороны придерживаются согласованной позиции, что ей не препятствовали, и что она смогла закончить свою демонстрацию 12 декабря 2010 года; демонстрация — по собственному выбору — продолжалась пять минут. Таким образом, не представляется, что со стороны полиции имело место вмешательство в осуществление ее права на свободу выражения мнения. Что касается последующего судебного преследования второго заявителя, она обвинялась в правонарушении административного характера (а не в уголовном преступлении, в строгом значении этого термина); в результате данного судебного преследования производство было прекращено. Судебное разбирательство, которое длилось с марта по май 2011 года, таким образом, не было чрезмерно продолжительным. Второй заявитель не была лишена свободы после демонстрации и в ходе судебного разбирательства, она также не сталкивалась ни с какими другими нарушениями своих прав (см. для сравнения постановление Европейского Суда от 7 марта 2017 года по делу «Дёнер и другие против Турции» (*Döner and Others v. Turkey*), жалоба № 29994/02, пункт 88). Внутригосударственные суды признали нарушение права второго заявителя на свободу выражения мнения в связи с ее незаконным судебным преследованием за правонарушение административного характера и присудили ей компенсацию морального вреда в сумме 250 евро. Даже предполагая, что имело место «вмешательство», и что второй заявитель может все еще претендовать на то, что она является жертвой нарушения статьи 10 Конвенции в связи лишь с фактом ее судебного преследования, которое длилось в течение определенного периода, хотя и без иных негативных последствий, связанных с этим судебным преследованием (см. для сравнения постановление Европейского Суда от 15 сентября 2015 года по делу «Дилипак против Турции» (*Dilipak v. Turkey*), жалоба № 29680/05, пункты 44-51, а также постановление Европейского Суда от 12 декабря 2017 года по делу «Чёлгечен и другие против Турции» (*Çölgeçen and Others v. Turkey*), жалобы №№ 50124/07 и 7 других жалоб, пункты 39-40), Суд полагает, что данная часть жалобы является

явно необоснованной и подлежит отклонению в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

22. Европейский Суд отмечает, что жалобы первого заявителя на нарушение пункта 1 статьи 5 и статьи 10 Конвенции не являются явно необоснованными по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что они не являются неприемлемыми по каким-либо другим основаниям. Следовательно, данные жалобы должны быть признаны приемлемыми.

Б. Существо жалобы

23. Суд ранее приходил к выводу о том, что задержание и содержание под стражей протестующих может составлять вмешательство в право на свободу выражения мнения (см. постановление Европейского Суда от 20 октября 2015 года по делу «Дилек Аслан против Турции» (*Dilek Aslan v. Turkey*), жалоба № 34364/08, пункт 67, а также дела, упомянутые в нем). В настоящем деле первый заявитель проводил одиночное пикетирование, держа плакат с требованием справедливого суда над двумя хорошо известными лицами. Демонстрация первого заявителя не прерывалась. Таким образом, он беспрепятственно осуществил свое право на свободу «распространять информацию и идеи» и «придерживаться своего мнения». Однако и его последующее доставление в отделение полиции, и судебное преследование за административное правонарушение были связаны с выражением им мнений и распространением информации и поэтому представляли собой «вмешательство» в его права, гарантированные на основании статьи 10 Конвенции. Тот факт, что судебное преследование за административное правонарушение привело к прекращению административного производства против первого заявителя, не меняет этого вывода.

24. Суд повторяет, что в соответствии с принципом субсидиарности Договаривающиеся Стороны несут основную ответственность за обеспечение прав и свобод, гарантированных Конвенцией и Протоколами к ней (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 4 апреля 2018 года по делу «Коррейя де Матос против Португалии» (*Correia de Matos v. Portugal*), жалоба № 56402/12, пункт 116). Суд не сомневается, что внутригосударственные суды в настоящем деле пытались добросовестным образом и делая все в своих силах оценить уровень страдания, душевного смятения, беспокойства или иных вредных последствий, понесенных заявителем. Он повторяет, что такая оценка должна производиться способом, соответствующим требованиям внутригосударственной правовой системы, и принимать во внимание уровень жизни в рассматриваемой

стране, даже если это приведет к присуждению меньших сумм, чем суммы, установленные Судом в схожих делах (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «*Коккьярелла против Италии*» (*Cocchiarella v. Italy*), жалоба № 64886/01, пункт 80, ECHR 2006-V, а также постановление Европейского Суда от 10 июля 2018 года по делу «*Василевский и Богданов против России*» (*Vasilevski and Bogdanov v. Russia*), жалобы №№ 52241/14 и 74222/14, пункт 23).

25. Тем не менее, даже допуская, что вывод внутригосударственных судов о незаконности доставления первого заявителя в отделение полиции с места проведения им одиночного пикетирования представлял, по сути, подтверждение нарушения его свободы выражения мнения, Европейский Суд не считает, что присуждение ему суммы 250 евро является надлежащей и достаточной компенсацией за вмешательство, которое было незаконным и несоразмерным, как указано в пунктах 26 и 27 ниже (см. постановление по делу *Новиковой и других*, упомянутое выше, пункт 218). Присужденная сумма никаким образом не сравнима с теми, которые могли бы быть присуждены по статье 41 Конвенции или же по пункту 1 статьи 5 либо статье 10 Конвенции (см. упомянутые выше постановления по делу «*Скордино против Италии (№ 1)*», пункты 181 и 202; «*Новикова и другие*», пункты 222-25 и 231; постановление Европейского Суда от 10 апреля 2018 года по делу «*Цветкова и другие против России*» (*Tsvetkova and Others v. Russia*), жалобы №№ 54381/08 и пять других жалоб, пункт 203; постановление Европейского Суда от 26 июня 2018 года по делу «*Форталнов и другие против России*» (*Fortalnov and Others v. Russia*), жалобы №№ 7077/06 и 12 других жалоб, пункт 98; см. также, *mutatis mutandis*, упомянутое выше постановление по делу *Василевского и Богданова*, пункт 23). Суд также отмечает, что, хотя внутригосударственные суды признали отсутствие необходимости доставления первого заявителя в отделение полиции, они не признали нарушение, касающееся осуществления его свободы выражения мнения (см. для сравнения постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «*Чентро Эуропа 7 С.р.л. и Ди Стефано против Италии*» (*Centro Europa 7 S.r.l. and Di Stefano v. Italy*), жалоба № 38433/09, пункт 88, ECHR 2012). Таким образом, первый заявитель оставался жертвой предполагаемых нарушений пункта 1 статьи 5 и статьи 10 Конвенции, когда он подал жалобу в Европейский Суд. Поэтому возражения Властей по поводу статуса жертвы в отношении первого заявителя следует отклонить.

26. Со своей стороны, в том, что касается существа жалобы по статье 10 Конвенции, Суд не усматривает никаких убедительных причин, которые оправдывали доставление первого заявителя в отделение полиции. Поэтому Суд приходит к выводу, что он был жертвой как минимум непропорционального вмешательства в его

свободу выражения мнения ввиду его доставления его в отделение полиции.

27. Что касается пункта 1 статьи 5 Конвенции, то внутригосударственные суды признали, что доставление заявителя в отделение полиции было осуществлено в нарушение российского законодательства. Суд не видит причин считать иначе.

28. Соответственно, в отношении первого заявителя были допущены нарушения подпункта 1 статьи 5 и статьи 10 Конвенции.

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

29. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

30. Я.А. Григорьев требовал 10 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

31. Власти сочли требования о компенсации морального вреда чрезмерными и необоснованными.

32. Принимая во внимание характер и объем нарушений пункта 1 статьи 5 и статьи 10 Конвенции, а также внутригосударственную компенсацию, Суд присуждает Я.А. Григорьеву 1 700 евро в качестве компенсации морального вреда, плюс любой налог, которым может облагаться эта сумма.

Б. Расходы и издержки

33. Я.А. Григорьев не подавал никаких требований по этому пункту. В связи с этим Суд полагает, что отсутствует необходимость присуждения ему какой-либо суммы в этом отношении.

В. Процентная ставка при просрочке платежа

34. Суд считает приемлемым, что проценты за просрочку платежа должны быть установлены в размере, равном предельной учетной ставке Европейского центрального банка, плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *объединил* вопрос «статуса жертвы» первого заявителя с существом жалоб на основании пункта 1 статьи 5 и статьи 10 Конвенции и *постановил*, что первый заявитель имеет статус жертвы в отношении этих жалоб;
2. *объявил* жалобы в рамках пункта 1 статьи 5 и статьи 10 Конвенции, поданные первым заявителем, приемлемыми, а остальную часть жалобы — неприемлемой;
3. *постановил*, что в отношении первого заявителя было допущено нарушение подпункта 1 статьи 5 и статьи 10 Конвенции;
4. *постановил*:
 - (а) что власти государства-ответчика обязаны в течение трех месяцев выплатить первому заявителю в качестве компенсации морального вреда сумму в размере 1 700 (одной тысячи семисот) евро, включая любой налог, которым может облагаться данная сумма, в валюте государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты;
 - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на вышеуказанную сумму будут начисляться простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка в течение периода просрочки, плюс три процентных пункта;
5. *отклонил* остальную часть требований заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление в письменном виде направлено 12 февраля 2019 года в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Фатош Араджи
Заместитель Секретаря Суда

Хелен Келлер
Председатель